

и среднего сословия; в продолжение всего 18 века не прерывалась полемика между обеими партиями. Она разрешилась уже в кровавом акте революции. После революции, во время реакции, которая поднялась против всех явлений и результатов революции, явились новые защитники феодализма, новые теории, которые просто хотели возвратити новой европейской жизни феодальный элемент во всей его силе и односторонности. Достаточно упомянуть о [Галлере], швейцарском ученом, который написал 5 томов *Über die Restauration der Staatswissenschaft*. Это не что иное, как возвращение феодального элемента... Не говорю уже о менее известных ист[ория]ках. Эта партия была многочисленна, особенно до революции, теперь она теряет свое влияние. Не говоря о том, что новые защитники феодализма не имели ни глубокой учености графа Boulainvilliers, ни его энергического ума, они самый феодализм представили не таким, каким он был действительно. Они создали идеям феодального быта, в истине коего они не так были убеждены. Наука, впрочем, управлялась с этими жалкими явлениями...

Окончательный приговор феодальной эпохе принадлежит, собственно, нашему времени. Исторические труды последних десятилетий показали феодализм в настоящем виде его. Самые лучшие сочинения (не говоря о древних трудах немецких) находятся у французов, в курсе Гизо: «*Histoire générale de la civilisation en Europe*» и «*Histoire de la civilisation en France*», где он разбирает феодализм во всех отношениях. Мы не соглашаемся с ним только в некоторых частностях, но вообще это полная, живая картина» (ОПИ ГИМ, ф. 345, ед. хр. 23, л. 117 об.— 118).

³ См.: Гизо Ф. История цивилизации во Франции/Пер. М. Корсак. М., 1881, с. 25, 33.

⁴ По этому вопросу Грановский говорил: «Для напуганных умов IX ст. представлялось еще возможным возвращение прежних смут, прежнего анархического периода переселения народов... Читая летописи IX столетия, видим под каждым годом жалобы на страшные опустошения и грабительство со стороны норманнов. Но довольно сделать вопрос: откуда взялись силы у этого малочисленного народа Скандинавии для таких значительных подвигов в самых населенных краях Европы? Решить этот вопрос можно только при внимательном рассмотрении внутреннего порядка вещей в тогдашнем государстве. Мы видим еще при Меровингах и Карле Великом медленное движение латино-германских народов к феодализму, результатом которого было уничтожение собственности, переход ее в феодальные владения. Прежние полноправные германцы делались или ленниками графов или нечто вроде зависимых от них колонов. Уже Карл Великий принимал все меры, чтобы положить конец притеснениям графов относительно низших классов народа; меры были безуспешны, положение последних все становилось тягостнее и тягостнее. Оно дошло, наконец, до последней степени страдальчества при внуках Карла Великого, во время этих опустошительных междоусобных войн, которыми воспользовались преимущественно графы: везде возникали феодальные формы. Тогда явились многочисленные толпы голодных крестьян, грабивших Галлию. С этими-то толпами недовольных, отринутых обществом, вступали в отношения союзов норманны» (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2, л. 100).

⁵ В курсе публичных лекций читаем: «Для него (феодала.— С. А.) разницы между вилланами и рабами не было. И те и другие были его подданные, он их судил своим дворянским правом. Перед воротами своей башни он поставил виселицу, на которой он вешал их. Он подчинял их многим безобразным постановлениям, о которых будет еще речь. У раба нет права на духовное завещание. Если он умирает без детей, то все нажитое трудом имущество достается господину. Если у него есть дети, то лучшая часть все-таки принадлежит господину. Это называлось правом мертвой руки (*droit de la main morte*)... Были, конечно, некоторые постановления, некоторые юридические обычаи, утвержденные временем, общим признанием, которые должны были лежать в основании этих общественных отношений. Но где были силы общественные, где было ручательство в соблюдении этих положений.